

ПУБЛИЦИСТИКА Л.С. ВЫГОТСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА (1916-1919)**Павельев Давид Джемалович**

студент, Московский Педагогический Государственный Университет, РФ, г. Москва

17 ноября 2016 года мы отметили 120-й День рождения выдающегося отечественного психолога и мыслителя Льва Семёновича Выготского (1896-1934). И хоть Выготский не относится к тем учёным, чьи идеи вспоминаются только в круглые даты, юбилей – это повод попытаться открыть новые грани его интеллектуального наследия.

Сегодня идеи Выготского рассматриваются, главным образом, в рамках общей психологии, дефектологии и педагогики. Основные интересы учёного действительно сосредотачивались на процессе формирования личности, восприятии человеком окружающего мира и таких психических функциях, как мышление, память, внимание и других, а также на психологии искусства: литературы и театра. Философскому осмыслению политических процессов, на первый взгляд, учёный уделял гораздо меньше внимания. Но за свою короткую жизнь учёный не раз становился свидетелем эпохальных событий в политической жизни российского общества: это и революционная ситуация 1905–1907 годов с последующими столыпинскими репрессиями, и Первая мировая война, и события 1917 года, и Гражданская война 1918–1921 годов, и начало преследований так называемых троцкистов. Все эти события – трагические, переломные, неразрывно связанные с поиском ответа на вопрос «как жить дальше» не только отдельному индивиду, но и всему обществу – не могли не наложить отпечаток на развитие идей Выготского, который никогда не был пассивным наблюдателем истории, а напротив, имел активную гражданскую позицию, сочувствовал и сопереживал народу в трудные для него годы и участвовал в общественной жизни. Более того, идеологический запрет на идеи Выготского, продлившийся с середины 1930-х годов по начало 1960-х, заставляет задуматься о наличии в них серьёзной политической подоплёки, не совместимой с официальной идеологией.

В настоящей статье будут рассмотрены политические рефлексии учёного с 1917 по 1924 годы – в период становления его оригинального стиля мышления. В это время Выготский ещё не вышел на магистральную линию своего творчества и создал множество публицистических статей на общественно-политические темы («Avodim hoinu» [5], «Театр и революция» [1] и др.). Все они были опубликованы только в провинциальных газетах, и потому, к сожалению, остаются неизвестными широкому кругу читателей и исследователей. Полные тексты многих из них утеряны, и анализу подвергаются лишь фрагменты этих работ. Наиболее полный анализ ранних публицистических работ Выготского представлен в статье Б. Котик-Фридгут «Зёрна, которые прорастают: обзор ранних журналистских работ Л.С. Выготского (1916–1923)» [3].

Тематика самых первых публицистических статей Выготского обусловлена культурной средой, в которой проходила его юность. Будучи евреем по национальности, Выготский интересовался историей своего народа и даже организовал кружок её изучения. Так называемый «еврейский вопрос» затрагивается в таких статьях Выготского, как «Еврейский театр» (1923), «Литературные заметки (роман А. Белого «Петербург»)» (1916), «Евреи и еврейский вопрос в произведениях Достоевского» (частично 1916).

В последней указанной работе Выготский подвергает глубокому анализу проблему антисемитизма. Автор отмечает, что «русская литература так мало внесла в психологическое изображение еврея, представляя «презренного еврея» в комическом свете как „олицетворение человеческих пороков» [3, с. 189]».

Анализируя персонажей-евреев из произведений Н.В. Гоголя, Ф.В. Булгарина, И.С. Тургенева и особенно Ф.М. Достоевского, Выготский приходит к выводу, что «...вкрапленные в гениальнейшие творения эти образы не отвечают самым невзыскательным требованиям художественного реализма» [5, с. 77]. Далее автор делит антисемитизм на «бытовой» и «художественный», при чём второй является следствием первого. Выготский пишет: «Типы евреев в русской литературе долгое время создавались по шаблону. А шаблон этот создан в умах русского населения всех слоев и из жизни был перенесен в литературу, где и явился естественным отголоском традиционного представления о неведомом мире еврейства и бытового отношения к жидам.» [5, с. 77].

Выготский видит причину бытового антисемитизма в элементарном незнании русским народом реалий еврейской жизни. Автор обращает внимание на то, что Достоевский делает ряд грубых ошибок, описывая молитву еврея Исая Фомича в романе «Записки из Мёртвого дома». Выготский отмечает, что русский человек привык смотреть на еврея как на скомороха, который «возбуждал только смех ... и превратился в своего рода Арлекина, игравшего одну и ту же роль» [5, с. 78] (что, правда, характерно не только для русской культуры, но и для культур других европейских народов).

Не обходит вниманием Выготский и другие возможные причины бытового антисемитизма. Вспоминая рассказ Тургенева «Конец Чертопханова», в котором «крестьяне бьют жида ни за что, ни про что, просто как еврея, за то, что «Христа распял» [5, с. 78], он рассматривает отражение конфликтов на религиозной почве между русскими и евреями в произведениях русской литературы.

Не стоит думать, что причиной столь пристального внимания к проблемам еврейского народа стали исключительно национальные чувства молодого публициста. Однако нельзя забывать и о том, что незадолго до написания им рассмотренных выше работ на всю страну прогремело сфабрикованное против еврея Бейлиса уголовное дело, зарождаются идеи «Чёрной сотни» и гремит во всю лозунг «Бей жидов – спасай Россию!». Выготский не мог не реагировать на подобную несправедливость в отношении народа, к которому сам принадлежал, тем более, как отмечает Б. Котик-Фридгут, «юность Выготского – это время интенсивных размышлений о ... своем месте в обществе ограничивающем возможности личного роста чертой оседлости» [3, с. 189]. Очевидно, что личный рост в данном случае – это не только лишь личный рост отдельного молодого человека, но и молодого еврея вообще, чьи энергия и способности не могут быть направлены на благо общества и государства). Но всё-таки причину столь пристального внимания Выготского к проблеме антисемитизма следует искать в его трепетном отношении к культуре любой малой народности Российской империи, а затем и Советского союза. В последствии в статье «Театр и революция» Выготский с большим удовлетворением отметит «развитие национального театра меньшинств, напр., украинского. Этот, бывший до революции в загоне, влачивший жалкое существование театр широко использовал открывшиеся возможности строительства» [1, с. 87]. Столь бережное отношение к культурам национальных меньшинств, которое станет одной из основ всей культурно-исторической психологии, определило и политическое мировоззрение Выготского – интернационализм и резкое неприятие узкого национализма, шовинизма и дискриминации по этническому признаку.

Потому нет ничего удивительного в том, что Лев Выготский приветствовал Февральскую революцию 1917 года, устранение монархии и установление демократической республики. Этому вопросу посвящена статья “Avidu hoinu” (в переводе «Рабами были мы»), в которой, по мнению Б. Котик-Фридгут, «ликование по поводу отмены Черты оседлости ликование (т.е., закона, ограничивавшего права евреев в выборе места жительства и профессий) смешано с чувством тревоги относительно будущего развития событий для российского еврейства» [3, с. 192].

Но как отнёсся будущий учёный к приходу к власти большевиков, провозгласивших в качестве общественного, государственного и хозяйственного строя социализм марксистского толка? Чёткого ответа на данный вопрос нет, так как прямо об этом не сказано ни в одной публицистической статье Выготского. Ряд исследователей полагает, что отношение к социализму у Выготского было сугубо негативным. Например, на этой точке зрения настаивает Е.Ю. Завершнева, подкрепляя своё мнение ссылкой на статью Выготского

«Иудаизм и социализм» [2, с. 79], не принимая, однако, во внимание, что данная статья не входит в официальную библиографию Выготского и факт авторства вызывает сомнения. Но убедительнее выглядит мнение, что отношение Выготского к идеалам социализма было скорее положительным, чем отрицательным, что следует из статьи «Театр и революция», написанной в 1919 году в самый разгар Гражданской войны. Данная статья представляет особый интерес, так как посвящена не только влиянию политических событий на состояние театрального искусства, но, пусть и не явно, осмыслению самой революции. В статье Выготского явственно ощущается его неприязнь к социальному неравенству и коммерциализации всех сфер жизни общества, которые являются следствием капиталистического общественно-экономического строя: «...и театры, бывшие, прежде всего, крупными коммерческими предприятиями, отвечали вкусам заказчиков и потребителей.» [1, с. 87] Напротив, автор уверен, что «искусство внеклассово», [1, с. 87] что соответствует социалистическому взгляду на искусство в частности и общество в целом. Среди достижений социалистической революции Выготский называет и «открытие целого ряда рабочих театров, изменение состава публики в уже существующих — все это факты огромной значительности, влияние которых пока еще не может быть учтено с достаточной точностью, но в которых таится зерно будущей театральной революции.» [1, с. 87] Это лишний раз свидетельствует в пользу принятия Выготским идеалов социализма и подтверждает точку зрения Б. Котик-Фридгут, что «в целом он [Выготский] принимает революцию» [3, с. 192].

Однако мы видим, что автор далёк от восторгов. «Напрасно вы стали бы искать в театре революционного времени того, что Гамлет в речи к актерам называл «складом, формой и отпечатком эпохи» [1, с. 87] – пишет в своей работе Выготский.

Прежде чем начать анализ «Театра и революции», необходимо определиться: в праве ли мы судить о взглядах Выготского на революцию по статье, посвящённой исключительно лишь театру? Ответ – да, и в доказательство можно привести слова самого автора: «художник питается современностью, как все мы — «зрители высоких зрелищ – роковых минут мира» [1, с. 87]. Театр как вид искусства и сфера деятельности человека отражает все противоречия современной ему действительности, и потому статья «Театр и революция» – не только о театре самом по себе, но и революции, которая на него влияет.

Возвращаясь к анализу статьи, следует отметить, что Выготский описывает не только ту обстановку, которая есть («Но самого театра не коснулось веяние современности — в худшем газетном и уличном смысле политической злобы дня, — то трагическое веяние, от которого не ушел никто и которое задело творческий дух художников других искусств.») [1, с. 86], но и то, какой она должна, по его мнению, быть («Новый театр, который расшатает кулисы, — это то, чего не было, но что должно быть ...») [1, с. 90].

Таким образом разделяется театр реальный («... небывалое процветание кабаре, театров миниатюр (что стало преобладающим типом театра) станет вполне ясен увеселительный характер театральных зрелищ, которые недаром назывались «развлечениями». Нигде, ни в одной другой области искусства идейный маразм военного времени со всеми его ужасными порождениями не отразился в такой мере, как в театре» [1, с. 86].) и театр идеальный – «искусство большое, всенародное» [1, с. 90], отразившее всё позитивное влияние на него революции («Можно было ждать героического театра, человеческого множества взамен изображения того, как люди едят, пьют, любят, носят пиджаки – взамен театра уединенной мечты») [1, с. 90].

Таким же образом и революция по Выготскому разделяется на реальную и идеальную. Если идеальная революция несёт в себе освобождение от дискриминации низших слоёв населения и национальных меньшинств, даёт возможности получить образование и приобщиться к мировой культуре вчерашним крепостным, политическую свободу в виде участия в Советах народных депутатов, то реальная революция несёт с собой бюрократизм («... изменилось управление, – появились комитеты, художественные советы, новые государственные органы, ведающие делом театра, много сделано в области профессионального объединения тружеников сцены. ... Но что все это театру, как таковому?» [1, с. 87]), цензуру («После октябрьского переворота были неоднократные случаи запрещения пьес, как «явно направленных против существующего строя» или «несоответствующих политическому моменту» [1, с. 87]) и приоритет пропаганды над истиной («... правительственный комиссар по делам искусства В.

Фриче рекомендовал ставить только «пьесы, способные закалить бунтарский дух, поднять революционную волю, закрепить социалистическое мировоззрение зрителей» ..., пытался создать театр определенного политического направления, тенденциозный» [1, с. 87]).

Те же мысли Выготский замечает в пьесе Владимира Маяковского «Мистерия-буфф». Это «героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи» Выготский называет «самой современной современностью», «вся от начала до конца родившейся из духа современности.» [1, с. 87] Несмотря на то, что автор называет пьесу неудачной и слабой, он полностью солидарен с Маяковским в сочувствии простому рабочему человеку, сражающемуся за такое общество, где не будет того, что один из отрицательных героев назвал «одному – бублик, другому – дырка от бублика. Это и есть демократическая республика!» [4]. По сути процесс такое сражение – это и есть идеальная революция. Не стоит сбрасывать со счетов и то, что «Мистерия-буфф» содержит насмешки над молодой, но уже набравшей силу советской бюрократией («Уничтожить Азию» – постановление совнеба»» [4]), что также не может не роднить между собой взгляды Выготского и Маяковского. И именно по этой причине Выготский особенно расстраивается от того, что «постановка «Мистерии-буфф» – увы! – не дала ничего [1, с. 90]». Режиссёр-постановщик Мейерхольд и художник Малевич подошли к постановке всё с той же формальной стороны, превратив постановку в «балаганный дивертисмент» на потребу неискущённой публике. Это в то время, когда театр должен возвышать зрителя, а не опускаться до его уровня.

Благодаря такому подходу театр, «который при множестве перемен остался под новыми именами и при новых управляющих тем же, что был и раньше» [1, с. 87], не может выполнять свою главную функцию – развивать личность человека и его гражданскую сознательность. А ведь именно это Выготский впоследствии назовёт целью социалистической психологии. Бюрократизм, цензура и оголтелая политическая пропаганда, не могут служить цели развития индивидов, а только напротив, усугубляют их пассивность, безынициативность, озлобленность и бескультурье. Острое неприятие этих явлений и отличает политическую позицию Л.С. Выготского, определяет основное направление его дальнейших политических рефлексий.

Однако в начале 1930-х годов И. Сталин решил сделать ставку как раз на то, против чего так восставал Выготский. Провозглашённый Сталиным лозунг «жить стало лучше, жить стало веселее» навязал культуре чисто развлекательную и пропагандистскую роль. В искусстве не остаётся места отражению реальных противоречий советского общества: до читателя и зрителя доходят оды преувеличенным успехам на производстве и лёгкое чтение в духе рассказов о майоре Пронине: мудрые чиновники против злобных иностранцев и прочих «врагов народа».

Начинаются гонения на науку (например, Николая Вавилова), вошедшая в историю как «лысенковщина». Преданность бюрократии становится главным критерием научности, а задачей психологии – исключительно пропаганда лояльности власти. В такой психологии места Выготскому не было, что и послужило причиной разгрома его взглядов, якобы «базируется на ложно-научных, антимарксистских положениях» [6], в постановлении ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпроса» 1936 года, с которой по сути и начался идеологический запрет на его идеи.

Список литературы:

1. Выготский Л.С. Театр и революция. // Культурно-историческая психология. 2015,.Т.11 – №1. С. 86–90
2. Завершнева Е.Ю. Еврейский вопрос в неопубликованных рукописях Л. С. Выготского // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 79–99.
3. Котик-Фридгут Б. Зёрна, которые прорастают. Обзор ранних журналистских работ Выготского (1916–1923) // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2011. – №4. С. 192

4. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Том второй. 1917–1921. ГИХЛ, – М., 1956.

5. От Гомеля до Москвы. Начало творческого пути Льва Выготского. Из воспоминаний Семёна Добкина. Ранние статьи Л.С. Выготского. Составитель и редактор И.М. Фейгенберг. Lewiston-Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press. 2000.

6. Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпроса» от 4.07.1936.